

— Второго числа я приведу свою младшую соученицу, чтобы поздравить вас с праздником!

— Ха-ха-ха... — Мастер Ху погладил бороду и усмехнулся. — Значит, мне стоит приготовить увесистый красный конверт, раз вы собираетесь прийти. Ну, ладно, мне пора домой, я еще даже не притронулся к новогоднему ужину...

Мастер Ху удалился, и толпа вокруг постепенно рассеялась. Су Ю в порыве восторга обняла Цай Сяовэнь и радостно воскликнула:

— Сяовэнь! Ты стала мастером официальной керамики!

— Старшая сестра... — Цай Сяовэнь пребывала в полнейшем замешательстве, в ее глазах читался испуг. — Почему... как принцесса узнала обо мне...

Су Ю рассмеялась:

— Глупышка! Все из-за чайника «Поросенок»! Я попросила господина Чжоу, торговца керамикой, отвезти его в Павильон Официальной Керамики, а они преподнесли его принцессе. Она наверняка пришла в восторг от твоего чайника и поэтому назначила тебя мастером!

— Чайник «Поросенок»... но ведь я подарила его тебе...

— Да, именно этот чайник! Цай Сяовэнь, ты встретила своего покровителя! — Су Ю была счастлива, что принцесса по достоинству оценила талант Сяовэнь. Теперь не только керамическое искусство Сяовэнь получит развитие, но и они обе, будучи ученицами одной школы, получили право поставлять изделия для нужд двора — это был первый подобный случай в истории керамики Юйфэна. Настоящая гордость для их наставника.

Растерянность на лице Цай Сяовэнь постепенно исчезла, сменившись спокойствием — спокойствием, совершенно неуместным в этой праздничной атмосфере. В отличие от ликующей Су Ю, на лице Сяовэнь не было ни тени улыбки, напротив, она глухим голосом произнесла:

— Я подарила его тебе, почему ты отдала его торговцу?

— Э? — Су Ю была совершенно не готова к такому вопросу и замерла, ее улыбка застыла на губах.

— Я подарила его тебе, почему ты отдала его чужому человеку! — Цай Сяовэнь повысила голос, и ее спокойствие разбилось о внезапно нахлынувший гнев. — Я дважды спрашивала тебя о чайнике, и ты оба раза лгала мне! Почему ты меня обманывала?! — Вспомнив, как Су Ю дважды отвечала ей «угадай», Сяовэнь почувствовала, что ее просто выставили дурочкой. Теперь чайник был далеко в Кайфыне, в руках принцессы, которую она даже в глаза не видела, а сама она по-глупому верила, что он все еще у старшей сестры. От этой мысли ее гнев разгорелся еще сильнее.

— Я... я хотела сделать тебе сюрприз... ты ведь так хотела заниматься официальной керамикой... — Внезапный допрос застал Су Ю врасплох. Она искренне полагала, что Сяовэнь обрадуется.

— Я хотела заниматься официальной керамикой. Но я хотела добиться этого своим трудом, победить тебя в состязании на девятый ранг и стать мастером честно и открыто!

Су Ю в изумлении осознала, что Сяовэнь разозлилась. Она не могла понять, что здесь такого обидного. Изумление, смешанное с непониманием, превратилось в тяжелое чувство несправедливости.

— Разве плохо, что я помогла тебе срезать путь?!

— Ты спрашивала меня? Ты спрашивала, хочу ли я этого? — Глаза Цай Сяовэнь блестели, в них даже проступили слезы. — Ты моя старшая сестра, лучшая в Юйфэне! Ты мой пример для подражания, я всегда равнялась на тебя. Я хотела превзойти тебя своим трудом, а если не получится — ничего страшного. Я была бы рада за любую из нас. Но ты заставила принцессу непонятно почему включить меня в список, без всяких оснований, и я этому не рада! — Это были искренние слова Сяовэнь, ведь ее целью была сама Су Ю. Но та отдала ее драгоценный чайник другому человеку и проложила ей путь в Павильон Официальной Керамики, и даже ко двору, не спросив ее желания. Сейчас Сяовэнь чувствовала глубокую обиду, смешанную с растерянностью.

Однако Су Ю чувствовала себя еще более оскорбленной. Она из кожи вон лезла, чтобы открыть для Сяовэнь двери в мир официальной керамики, а та не только не обрадовалась, но и набросилась на нее с обвинениями. Ей хотелось одновременно придушить себя и прихлопнуть эту «комашку»...

Почему она так стремится превзойти меня, чтобы взойти на вершину в одиночку? Почему нельзя идти плечом к плечу... Су Ю не могла понять обиду Сяовэнь, на душе осталась лишь горечь:

— Цай Сяовэнь, ты совершенно не ценишь доброго отношения...

— Су Ю! — Лицо Цай Сяовэнь покраснело, слезы хлынули из глаз, и она в сердцах выкрикнула: — Больше не желаю с тобой разговаривать! — Это был первый раз, когда она обратилась к Су Ю по имени, но, увы, атмосфера была далека от тех нежных мечтаний, что тешили сердце Су Ю.

Разгневанная Су Ю покраснела не меньше Сяовэнь:

— Не хочешь — не надо! Раз ты не хочешь, я тоже не буду! Даже если ты заговоришь, я не отвечу!

Выпалив эту скороговорку, Су Ю в сердцах хотела развернуться и уйти, чтобы оказаться как можно дальше от этой неблагодарной и упрямой девчонки. И в этот момент небеса, словно в

ответ на ее слова, послали подарок...

Раздалось оглушительное: пили-пала, пили-пала...

Фейерверки загрохотали прямо у края улицы, всего в нескольких шагах от них. Крик Сяовэнь утонул в грохоте, Су Ю его не услышала. Но она видела, как Сяовэнь оттолкнулась ногами и бросилась ей в объятия. Цай Сяовэнь, только что заявившая, что не желает с ней разговаривать, крепко обхватила Су Ю за талию, пряча лицо у нее на груди. А Су Ю, которая только что кричала, что не будет отвечать, развернулась, заслоняя Сяовэнь от фейерверка, и прижала ладони к ее ушам...

Когда последний залп отгремел, Су Ю убрала руки, слегка наклонилась и, обнимая Сяовэнь, тихо произнесла:

— Разве ты не говорила, что не хочешь со мной разговаривать?

Цай Сяовэнь надула губы, вытирая слезы, но не отстранилась, а прижалась еще крепче. Она вытерла слезы о новое платье Су Ю, стоившее восемьдесят восемь лянов серебра, и сердито проворчала:

— Я пряталась от фейерверка, а не разговаривала с тобой...

В конце концов, они перестали ссориться. В бане они встретились с госпожой Су, мастером Цаем, Мэн Цзыинем, Фэнлин и Таньюань. Из-за обилия людей они послушно вымылись, не упоминая об особом указе принцессы. Лишь вернувшись в поместье Мэн, Су Ю обо всем рассказала. Когда госпожа Су и мастер Цай узнали об этой радостной новости — той самой, из-за которой могла злиться только полная дурочка, — они пришли в восторг. Мастер Цай так обрадовался, что тут же собрался бежать во двор запускать петарды. Госпожа Су посмеялась над его нетерпением:

— Ну-ну, ты нетерпеливее детей. Еще даже не полночь! Вечно ты такой суетливый, в жизни не справишься!

Мастер Цай был так счастлив, что даже не нашелся с ответом, лишь широко улыбался:

— Хе-хе... поторопился, поторопился...

Су Ю бросила взгляд на Цай Сяовэнь, которая сидела на стуле, теребя подол одежды. На лице последней нельзя было прочесть особой радости, но выглядела она сносно. Су Ю вздохнула с облегчением и вспомнила о том, что еще нужно сделать.

— Матушка, дядя-наставник, мне нужно еще кое-что сказать.

Мастер Цай сиял, как кактус, он был готов радоваться чему угодно:

— Говори, говори.

Су Ю попросила Фэнлин принести сверток, который она принесла с собой, и развязала узлы. Ночной горшок, который она изготовила для Сяовэнь и который совершенно не походил на то, что задумывалось изначально, предстал перед глазами присутствующих. Увидев этот сосуд, Сяовэнь явно удивилась, поспешно встала и подошла к Су Ю. Прежде чем она успела что-то сказать, Су Ю начала:

— Это форма, которую нарисовала Сяовэнь, а я воплотила ее в жизнь. Было довольно трудно, если есть какие-то недостатки, прошу матушку и дядю-наставника указать на них.

Госпожа Су взяла сосуд из рук Су Ю, внимательно осмотрела его и в недоумении спросила:

— Эта форма... как бы сказать... хм... для чего этот сосуд?

Су Ю повернулась к Сяовэнь. Та увидела, как мастер Цай уже опустил нос в горлышко сосуда, и, интуитивно понимая, что если скажет правду, то получит нагоняй, пробормотала:

— Ну... это просто сосуд...

— Такая форма — сразу видно, что это выдумка Сяовэнь, — с досадой и гордостью усмехнулся мастер Цай. — Су Ю, тебе пришлось нелегко, чтобы сделать это. Я всегда думал, что в лепке ты чуть слабее, чем в обжиге, но теперь вижу — ты и в этом сильна. Вот только он не похож ни на чайник, ни на сосуд для вина. Форма приплюснутая, средняя часть высокая, брюшко широкое, горлышко очень широкое. Ручка сложная, изящная.

— Здесь было очень трудно, я несколько раз ломала глину, — Су Ю снова взглянула на Сяовэнь, задаваясь вопросом: интересно, смогла бы Сяовэнь сделать это сама?

«Не так уж и трудно...» — подумала про себя Сяовэнь, но Су Ю ее не слышала. В этот момент мастер Цай повернул сосуд, и Сяовэнь случайно взглянула на него. Ее глаза расширились, она указала на сосуд и громко воскликнула:

— Кто это?!

— Это же ты, неужели не узнаешь? — Мастер Цай разглядывал женский портрет на горшке и рассмеялся. — Посмотри на свою старшую сестру, как хорошо она нарисовала! Теперь, когда ты стала мастером официальной керамики, тебе нужно усерднее заниматься рисованием.

— Но на эскизе, который я рисовала, не было моего портрета! — Сяовэнь сердито посмотрела на Су Ю, скрежеща зубами: «Плохая Ю, ты ведь специально это сделала!»

Су Ю была невиновна, она понятия не имела, что этот сосуд — ночной горшок. Поэтому она, не

боясь, что ночью постучат в дверь, улыбнулась как можно нежнее:

— Я сама так решила. Ведь это подарок тебе... хотела сделать сюрприз...

Цай Сяовэнь была полна обиды, но не могла ничего сказать. Ей пришлось выдавить из себя улыбку в ответ:

— Спасибо, старшая сестра... Пожалуйста, в будущем не делай больше таких сюрпризов...

Госпожа Су взмахнула рукой и рассмеялась:

— Ха-ха, праздник же, не будем говорить о недостатках. Сегодня только радость! Фэнлин, возьми этот сосуд и завари в нем чай. Отпразднуем чаем успех Сяовэнь!

— А! Нет! Нет, нет... — Услышав, что из ночного горшка собираются заваривать чай, Сяовэнь выпалила отказ. Фэнлин обернулась, не понимая, в чем дело. Под взглядами всех присутствующих Сяовэнь пришлось делать то, что у нее получалось хуже всего — лгать. Ее лицо побагровело:

— Это первый подарок старшей сестры... мне жаль им пользоваться, я хочу его сохранить... — Сказав это, она захотела ударить себя по губам: «Ночной горшок, что я собралась сохранять?!»

Су Ю, напротив, расцвела и с восторгом смотрела на покрасневшую Сяовэнь:

— Сяовэнь... хочешь, я сделаю тебе еще один? В этот раз нарисую тебя в полный рост!

— ...Праздник же, отдохни, ладно... не делай мне больше сюрпризов!

В этот момент вдалеке раздались раскаты петард. Наступил час смены года. Каждая семья запускала фейерверки. После них наступал новый год.

— Полночь! Идем пускать петарды! — Мастер Цай обеими руками подхватил связку из тысячи петард и возбужденно позвал Мэн Цзыиня: — Цзыинь, идем со мной!

Мэн Цзыинь витал в облаках. С тех пор как он услышал, что Сяовэнь тоже получила квалификацию мастера, он был сам не свой. Только когда мастер Цай позвал его, он пришел в себя.

— А? Наставник? О... о! Петарды, да! Идем!

Запуск петард был главным событием ночи. Госпожа Су, Фэнлин и Таньюань последовали во двор. В главном зале осталась только Цай Сяовэнь, которая боялась громких звуков. Ну и, конечно, Су Ю.

Когда остальные ушли, взгляд Су Ю стал чуть более откровенным. Сяовэнь почувствовала этот

жгучий взгляд, подняла голову, встретила с ним глазами и поспешно отвела лицо. У нее сегодня было сложное настроение: ночной горшок — мелочь, а вот официальная керамика — дело серьезное. То, что принцесса лично выбрала ее, все еще вызывало в ней смутение, и она невольно избегала глаз Су Ю.

Су Ю решила, что та боится фейерверков, и заботливо предложила:

— Если не хочешь смотреть, я останусь здесь с тобой.

— Новогодние петарды нужно посмотреть, я просто встану подальше... — Сказав это, Сяовэнь направилась во двор, остановилась у дверного столба и издали наблюдала, как мастер Цай поджигает фитиль. Су Ю не стала заходить во двор, а встала рядом с Сяовэнь. Она снова хотела поднять руку, чтобы закрыть ей уши, но та помотала головой, отказываясь.

Тысяча петард загрохотала во дворе. Сяовэнь нахмурилась, втянув голову в плечи. Но эта связка, купленная Мэн Цзынем за большие деньги, была очень громкой. Когда прозвучало около шестисот залпов, Сяовэнь не выдержала, схватила Су Ю за запястье и потащила ее на задний двор.

Там было гораздо тише. Сяовэнь крепко сжимала руку Су Ю. Они молчали, дожидаясь, пока отгремят оставшиеся четыреста залпов. Когда тишина наконец воцарилась вокруг, она создала удивительную атмосферу. Су Ю слегка пошевелила ладонью, которую сжимала Сяовэнь — та была мягкой и горячей. Резкий переход от грохота к тишине заставил Су Ю сосредоточиться на человеке рядом, на ее алых губах... Су Ю облизнула губы и крепко зажмурилась, надеясь отогнать нелепый порыв. Но стоило ей закрыть глаза, как Сяовэнь снова заговорила:

— Старшая сестра, садись туда.

Су Ю открыла глаза и увидела, что Сяовэнь указывает на деревянную скамью позади нее. Ее обуревали внутренние демоны, и даже лишний вопрос казался непосильным, поэтому она послушно села. Когда она повернулась, Сяовэнь уже была перед ней.

Су Ю сидела, и чтобы рассмотреть Сяовэнь, ей пришлось поднять голову. Она взглянула вверх: лицо Сяовэнь, освещенное лунным светом, было необычайно серьезным. Холодный ночной ветер слегка растрепал ее волосы. Даже два пучка на голове в этой странной атмосфере казались какими-то повзрослевшими. Сяовэнь подняла обе руки, провела ими от ворота зимнего халата Су Ю до мягкого воротника из меха снежного кролика, просунула руки внутрь... и коснулась основания шеи Су Ю. Сяовэнь двигалась методично. А Су Ю... она дрожала.

— Старшая сестра, ты отдала мой чайник «Поросенок» другому. Не должна ли ты компенсировать это чем-то другим?

Руки Цай Сяовэнь слабо сжимали шею Су Ю. Та не могла пошевелиться и даже непроизвольно задержала дыхание. Она чувствовала тепло ладоней Сяовэнь на своей пульсирующей жилке. В этот момент она вдруг вспомнила, что она старшая сестра. А раз так — нельзя сдаваться. Су Ю заставила себя не закрывать глаза и, глядя на Сяовэнь, спросила:

— Чего ты хочешь? — Голос дрожал, она явно проигрывала.

Спросив об этом, Су Ю все же не выдержала и закрыла глаза. Образы, рисовавшиеся в ее воображении, не давали ей смотреть прямо. «Чего ты хочешь?» — этот вопрос был словно ответом на невысказанное: «Чего угодно. Чего угодно... Даже если толкнуть меня на скамью, даже если разорвать воротник... Нет, нет! Так нельзя, по крайней мере, нужно уйти в комнату...»

Она даже забыла, что ее новое платье стоило восемьдесят восемь лян.

Если бы Сяовэнь знала, о чем сейчас думает Су Ю, она бы обеими руками задушила эту бесстыдницу. К счастью, она не знала. Поэтому она просто протянула руку за шею Су Ю, чтобы растянуть красную веревочку с нефритовой собачкой. Ее пальцы касались шеи, и Су Ю от щекотки втянула голову в плечи.

— Ты зажала мне руку, — Цай Сяовэнь, обнимая Су Ю за шею, наклонилась так близко, что ее маленькая грудь почти коснулась лба Су Ю. Та ответила не сразу: — Ты... ты... что ты вообще делаешь!

Цай Сяовэнь с достоинством заявила:

— Ты отдала мой чайник, компенсируй это нефритовой собачкой!

Не толкнуть, не разорвать воротник, просто хочет этот нефрит... Су Ю пожала плечами, мысленно ругая Сяовэнь: «Маленькая скряга!»

Маленькая скряга сейчас думала только о нефритовой собачке и, надув губы, заявила:

— Рука застряла.

Су Ю бессильно опустила плечи, позволяя Сяовэнь возиться. Четыре коротких пальчика долго возились с узлом на шее. Су Ю разрывалась между щекоткой и онемением, ей хотелось схватить Сяовэнь за грудь и стиснуть...

К счастью, эта мысль, слишком грубая, чтобы казаться непристойной, только промелькнула, как Сяовэнь развязала узел. Она покрутила красную нить на ладони, поймала собачку и крепко сжала ее. Су Ю, увидев, что та закончила, даже не успела пожалеть о многолетнем украшении — она просто вздохнула с облегчением, что шея свободна. Но тут Сяовэнь, эта глупышка, решила, что раз уж обмен состоялся, то она осталась в выигрыше. Поэтому она сняла со своей шеи нефритового поросенка и, наклонившись, надела его на шею Су Ю... И все повторилось

снова.

Бам!

Новогодний фейерверк расцвел небо. Огромные искры распускались в вышине. Су Ю подняла голову, правой рукой застенчиво сжимая нефритового поросенка, даже не глядя, она чувствовала его пухлую форму. Она с удовольствием вертела его в пальцах, как вдруг вспомнила о Сяовэнь, которая боялась петард, и поспешно повернулась. К ее удивлению, Сяовэнь не боялась и не пряталась, а спокойно, заложив руки за спину, смотрела на небо, а нефритовая собачка на ее шее висела криво.

— Ты ведь боишься фейерверков?

— М? Фейерверки не страшны, если они не рядом. Когда они высоко в небе, это не страшно. Я знаю, что они далеко, хе-хе. — Сяовэнь глупо улыбнулась и села рядом с Су Ю.

— Ты так точно все разграничиваешь... — Су Ю незаметно подвинулась, плотно прижавшись к Сяовэнь, и с быстротой молнии схватила ту за левую руку, крепко сжала и, сделав вид, что ничего не произошло, положила ее себе на колени.

Сяовэнь не возражала, что ее рука оказалась в плену, и продолжала глупо улыбаться, глядя на салют. Забыв о том, как пугалась петард, она сказала:

— Как красиво... О, пошел снег...

Снежинки беззвучно падали, словно белый фейерверк. Сяовэнь раскрыла ладонь, ловя снежинку, и, глядя на ее изящные лепестки, сказала:

— Старшая сестра, снег пошел. Пойдем в комнату? М? Старшая сестра...

Снежинка еще не успела растаять, а Су Ю уже склонилась и легла на колени Сяовэнь... Она положила голову ей на колени, обняла за колени и тихо прошептала:

— Сяовэнь... я люблю тебя. — Не успев договорить, Су Ю крепко закусила губу, не зная, сожаление это или ожидание, но сердце болело от бешеных ударов. Она не понимала, почему эти слова сорвались с языка так неожиданно... Все это из-за красивого фейерверка, из-за нежного снега, из-за луны, которая подтолкнула Су Ю в этот миг захотеть прожить с Сяовэнь до седых волос.

Сяовэнь слегка приоткрыла рот от изумления. Но удивление мгновенно сменилось радостью. Она высвободила левую руку из-под Су Ю, обняла ее обеими руками и с улыбкой ответила:

— Я тоже люблю тебя, старшая сестра! Ты лучше всех ко мне относишься...